

О л ь г а Ф и к с

Улыбка химеры

Роман

М О С К В А 2 0 1 8

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6-44
Ф50

Оформление
Валерий Калныньш

Фикс, О. В.
Ф50 Улыбка химеры : роман / Ольга Владимировна Фикс. —
М. : Время, 2018. — 352 с. — (Время — юность!).

ISBN 978-5-9691-1755-6

Действие романа Ольги Фикс разворачивается в стране победившего коммунизма. Повсеместно искоренены голод, холод и нищета. Забыты войны, теракты и революции. Все люди получили равные права и мирно трудятся на благо общества. Дети воспитываются в интернатах. Герои книги — ученики старших классов. Ребятам претит постоянная жизнь за забором и под присмотром. При всяком удобном случае они сбегают за ограду в поисках приключений. Что за странные сооружения, огороженные колючей проволокой, выросли вдали за холмами? Зачем там охрана и вышка с таинственными, качающимися из стороны в сторону «усами»? Что за таинственная болезнь приковывает их друзей на долгие месяцы к больничной койке? В поисках ответов на свои вопросы герои вступают в неравную борьбу с системой, отстаивая право каждого быть самим собой.

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN: 978-5-9691-1755-6

© Фикс О. В., 2018

© «Время», 2018

Огромные окна распахнуты настежь. Со всех сторон в класс врываются запахи весны — клейких листьев, прелой травы, пережившей под снегом зиму, медвяный аромат первых огоньков мать-и-мачехи...

Сергей наломал вербы у ручья и сейчас щекочет пушистым барашком Леркину шею. Девушка дергает плечами, втягивает голову в воротник, сжимает губы, силясь не рассмеяться. Наконец не выдерживает и фыркает громко, на весь класс, как лошадь.

— Соломина, Снегирев! Что вы там нашли смешного? И это вместо того, чтобы всерьез задуматься о своем будущем! Последний раз повторяю: анкеты должны быть сданы до конца урока! Ребята! Ну вы как маленькие, ей-богу! У вас и так всего сорок пять минут! Вот понапишете сейчас чепухи, потом всю жизнь придется расхлебывать!

Лоб Евдокии Геннадьевны прорезает смешная треугольная морщинка. Вот-вот заплачет, закроет лицо руками и выбежит вон из класса. Такое, кстати, уже бывало.

— Да ланно, Евдокия Геннадьевна! — немедленно сочувственно откликается класс.

— Не надо за нас так волноваться!

— Вы что ж думаете, мы не понимаем?

— Небось не идиоты какие-нибудь!

Постепенно общими усилиями складка на лбу разглаживается. Евдокия Геннадьевна улыбается, поправляет на переносице очки. Она будто не учительница их, а сестренка. Причем даже не факт, что старшая. Худенькая, невысокая, явно ниже большинства из них, и к тому же страшно сутулится — сказывается вторичный сколиоз. Говорят, от него так и нельзя избавиться до конца.

— Евдокия Геннадьевна, но потом ведь можно будет исправить?

— Что-то можно. Что-то нельзя. Лучше сразу написать как следует. И не стесняйтесь! Помните: вам дан уникальный шанс самим выбрать себе судьбу. Общество не хочет стричь всех под одну гребенку. Общество понимает, что вы уже взрослые шестнадцатилетние люди. У вас вполне могут быть свои желания, предпочтения. Кто-то хочет математику учить, кто-то физику. Кто-то хочет врачом стать, кто-то учителем. Кто-то шахтером, кто-то класть кирпичи на стройке, а еще кто-то родить много детей и воспитать их достойными членами общества. Карасиков, я сейчас сказала что-то смешное? Знаешь что, выйди за дверь и посмейся там. Придешь, когда успокоишься. И вот, ребята, наше общество по мере возможности старается пойти навстречу жела-

ниям каждого... Горенков и Нехлюдов, вы чем там заняты?

Горенков и Нехлюдов на задней парте режутся в морской бой. Момент острый — Нехлюдов уже потопил два Горенковских трехпалубника и подбирается к четырехпалубному. Планшеты у обоих раскалены.

— Заполняйте анкету внимательно, вдумчиво. Впишите все свои желания в соответствующие графы. Помните, кто не заполнит анкету и не отправит ее до конца урока, тот пусть пеняет на себя. Администрация школы сама решит, что с ним делать. Не сетуйте потом, если вам ее решение не понравится.

— А можно вопрос? — вскинулась над партией длинная рука. Ерофееву, как всегда, больше всех надо. — Евдокия Геннадьевна, скажите честно, зачем весь этот балаган? Все равно ведь все решает администрация. Все равно ведь нам пять лет еще торчать в интернате. Почему, раз уж мы все взрослые да к тому же все из себя уникально ценные, не дать нам не свалить отсюда и жить дальше по своему усмотрению?

С задней парты кто-то громко присвистнул. Учительница болезненно поморщилась.

— Саша, ну зачем ты так? Как будто вы тут в тюрьме. Для вас же все делается! Пожалуйста! Выходи за ограду, ставь свою палатку где хочешь! У тебя же есть своя палатка, я правильно помню? Ты ее выиграл в прошлом году на соревновании по ориентированию. Счастливый! У многих ведь и палатки нет.

Но, насколько я помню, планы у тебя были другие. Скажи мне, ты так и не определился? Физика или математика?

Ерофеев слегка смутился:

— Нет, я еще не окончательно решил, но...

— Вот видишь! — перебила его учительница. — Ты даже один простой вопрос до сих пор не можешь решить! А представь, сколько их у тебя будет, окажись ты вне школы? Что есть, что надеть на себя, как согреться, когда зима придет? Поверь мне, тебе станет не до физики. Можно подумать, ты первый.

— А зачем ему думать?

— Можно ведь у других отобрать!

— Взять в пункте помощи неопределившимся!

— Самому вырастить и соткать!

— Приучить себя обходиться малым!

— Точно! Минимум миниморум! И никакой физики!

— Тихо! — Учительница властно взмахнула рукой. — С чего это вы так разошлись? Представляю себе, что будет, если вы все в одночасье вырветесь отсюда на волю. Вы ж, как стадо молодых слонов, все вокруг перетопчете.

Они засмеялись, соглашаясь: а что, мы можем!

— Поймите, ребята, общество хочет сделать для вас как лучше. Сейчас у вас такой возраст, когда важнее всего сосредоточиться на учебе, приобретении профессиональных навыков. Поверьте мне, нельзя хорошо учиться, думая одновременно о куске хлеба. Вам надо радоваться, что общество еще на какое-то время берет эти заботы на себя. Раньше

только дети очень обеспеченных родителей могли себе такое позволить. Большинству молодых людей приходилось самим пробиваться в жизни. В итоге общество лишалось многих талантов, которым просто не удавалось развиваться. Разумеется, всегда есть исключения. Любой, кому не терпится поскорей выйти в самостоятельное плавание, может написать о своем желании в анкете. Пожалуйста! Разумеется, приведя объективные обоснования. Общество всегда идет навстречу человеку с особыми талантами или потребностями. Ты, Саша Ерофеев, к какой из этих групп себя причисляешь?

— К последней. У меня, Евдокия Геннадьевна, особая потребность — раз в жизни заснуть в комнате, где никто, кроме меня, не храпит.

— Только-то? Не понимаю, из-за чего сыр-бор. Просто укажи в соответствующей графе — хочу отдельную комнату. Я уверена, администрация школы найдет способ тебе помочь.

— Да ну? А я слышал, на такие комнаты уже очередь в километр из тех, кто хочет в маму-папу поиграть.

— Сань, а ты поори погромче, повозмущайся — глядишь, тебе каморку под лестницей выделят.

— Во-во, как Гарри Поттеру!

— Да что за детский сад?! — Учительница, наконец, всерьез возмутилась. — Ребята, я вас не узнаю! А может, вы просто боитесь принимать решения? Да ладно уж, выдохните. Расслабьтесь. Открою вам маленький секрет: ваши анкеты сперва попадут ко

мне. Я их все просмотрю, прежде чем отправить. И если увижу, что кто-то написал совсем самоубийственную чушь, вызову его к себе, и мы вместе подумаем, как это можно исправить. Всё, сосредоточьтесь и не тяните время за хвост! До конца урока осталось...

Стоя на декоративном мостике Лерка и Сергей наблюдали, как сторожиха специальной палкой с крючком подтягивает к берегу очередную мертвую золотую рыбку. Даже не рыбку, а рыбищу — килограмма на три, не меньше.

Конечно, пруд-то большой, так чего им в нем не расти!

Золотистые чешуйки сверкают на закатном солнце. Белое раздутое брюхо устремлено к небу.

— Такой пруд большой! И с подогревом, и с воздухом. Жить бы да жить! А они почему-тодохнут.

— Может, это она от старости?

— Да ну, какая старость, ты что? Вон у нее чешуя-то — огнем горит! У старых чешуйки блеклые, тусклые. Наверняка опять из мелких кто-то гадо-сти какой-то в пруд нашвырял. И чего им неймет-ся! Игрушек других нет, что ли? Смотри, вон еще одна кверху брюхом плывет...

— Точно, траванулись. Все, Сереж, пошли! Не могу на это смотреть. Убить кого-нибудь хочется!

— Смотри, смотри, палочки плывут! Это они чупа-чупсов им своих накидали.

— Что ж за ними воспиталки не смотрят?

— Ну, воспиталка одна, а их много. Каждого за ручку водить не будешь. Они ж шустрые, как эти! Не помнишь, какими мы в их возрасте были? Дуська орет, надрывается: «Ребятки, ребятки! Строем, строим!» А мы кто по дрова, а кто в лес. А то и вообще за ограду. Ну, помнишь?

Леркино лицо светлеет. Она даже почти улыбается.

Ей вспоминается, как когда-то, в пятом, кажется, классе, они с Сережкой в первый раз ушли вдвоем за ограду. В сентябре. Сразу после каникул. После каникул всегда сперва так: ветер в голове гуляет, летняя вольница из крови не поветрилась, вот все и блажат кто во что горазд.

Резать проволоку Сергей тогда еще не умел, да и инструментов у него таких в ту пору не было. Он просто разогнул клещами несколько стратегических колец, понажимал, потянул — образовался узкий лаз. Узенький, конечно, но ведь и они тогда щуплые были. По-пластунски подлезли, встали, коленки отряхнули — и вперед!

Долго шли. Тропинка казалась бесконечной, она то скрывалась в лесу, то выныривала на луг или в поле. Небо над головой было ясное-ясное. В овраге они наткнулись на лещину и до отвала набили

животы зелеными лесными орехами. И карманы наполнили, Сергей еще и за пазуху себе насыпал.

Полкласса потом неделю животами маялось.

— Да, время было! И, главное, времени этого на все хватало: и на уроки, и на фигню любую, какую захочешь. Чего мы только не вытворяли! Но вот чтобы рыбу травили — не помню. Честно.

— Да ладно, Лерк, они ж тоже не нарочно. Они ж, небось, как лучше хотели. Оторвали, можно сказать, чупа-чупсы эти от сердца.

— Хотели как лучше, а получилось как всегда. Главное, мне знаешь чего обидно? Что им ведь и не объяснят ничего. Даже не расскажут. Чтоб лишний раз не расстраивать. Просто напустят в пруд свежих рыб. И опять по новой... Ой, Серый, гляди, вон, кажется, еще всплыла! Все, не могу, пошли быстрее отсюда!

— Точно, погнали. Гляди, вон туча какая!

Они понеслись к стеклянной, расцвеченной огнями, похожей на радужный мыльный пузырь столовой. Оттуда донеслись смех и музыка. День кончился, впереди два часа личного времени. Из колонок загрохотала веселая песенка про дождик, который «окна вымоет и смоем все следы!».

— Дождик, дождик, пуще! — подхватила Лерка веселую, заразительную мелодию. Худые, нескладные ноги затанцевали сами собой. Улыбка вернулась на широкоскулое, веснушчатое лицо, обнажив крупные, неровные зубы.

«Кобылка моя». Сергей смотрел на нее и не дышал. Не было у него и быть не могло слов ласковой

и нежной. Лошадей Сергей обожал. Лошадь в его глазах — образец совершенства. Недаром же он лучше всех в классе ездил верхом.

Дождь и в самом деле начал накрапывать. Тяжеловесные капли падали одна за другой. На нос, на светлые плитки под ногами, на протянутую ладонь. Сперва по одной, по две. Не то правда дождь, не то только кажется. Но вот уже настоящий ливень обрушился им на головы, заколотил по рюкзакам, по плечам. Сильный, ледяной, освежающий. На стремительно растекающихся вокруг лужах вспухают и лопаются пузыри.

Хорошо, им недалеко. Сергей на бегу скидывает и держит над Леркиной головой пиджак.

Ворвавшись в вестибюль, оба встряхиваются всем телом, как собаки после купания. Рыжие кольца Серегиных кудрей потемнели от воды, из золотых стали медными. Мокрое насквозь Леркино платье прилипло к животу и груди.

— Уф! Надо же как вдруг полило!

— Ничего, скоро уже кончится. Смотри, в лужах какие пузыри!

— Да, с пузырями это ненадолго.

Сережке кажется, он так раскалился, что от него наверняка должен идти пар. И дикий, звериный запах пота. В последнее время никакой дезодорант не спасает. Наверняка Лерка слышит, как колотится его сердце.

— Слушай, я так и не спросил. Что ты написала в анкете?

— Косметика или швейное дело. По-любому в жизни пригодится.

— А кулинария что, по боку? Ты ж хорошо готовишь!

— Да ну еще! Там и химия, и физиология! Готовить я и без них смогу.

— А... про личное?

— Написала, что планирую ребенка на следующий год.

У Сергея внезапно пересыхает в горле.

— Вот прямо так? А не рано?

— Да ну еще! Сколько с этим можно тянуть? Ерофеев прав. Потом, как до дела дойдет, коммат вправду на всех не окажется.

— Н-да, тоже верно. А... будущим отцом ты кого вписала?

Лерка хитро улыбается во весь рот, во все свои тридцать два неровно торчащих зуба:

— А никого. Оставила пока что пробел.

Они сидели на полу и вдыхали в себя запах свежей краски. Вдыхали с завистью. И то, что слезились глаза и закладывало нос, зависть эту только усиливало.

— Нет, ну вот как нормальный человек может так подсуетиться? Раз — и отдельное жилье! И на завод больше не таскаться со всеми.

— Нормальный и не может. Только Ерофеич на такое способен.

— Да подсуетиться — это ладно, ты лучше скажи, как тебе в голову такое пришло?!

— И правда, это ж еще придумать надо!

— Да уж, среднему уму недоступно!

— Ерофеев, колись, кто тебе это подсказал?

Ерофеев улыбался и отмалчивался. Хмурил тонкие брови, хитро щурил близорукие круглые глаза. Не говорить же, что сами они и подсказали. Тогда, на воспитательном часе, во время заполнения анкет. Ну, про каморку под лестницей.

Он тогда сразу подумал — консьерж! Напроситься на общественный труд комендантом в Дом творчества, то есть убираться и следить за порядком в огромном здании, где были актовый зал, библиотека, мини-зоопарк, бассейн, тренажерка, учебные мастерские, лаборатории, студии, музкабинеты и черт знает чего еще. Откуда по традиции не выгоняли никого допоздна. Где всегда горел свет, было шумно, натоптано, накурено, разноголосая музыка со всех этажей, клубы дыма из туалетов. Хотя курить в школе, конечно, нельзя. Даже простой табак, не говоря уж о чем-то еще.

Где было сердце школы.

Он сам не помнил, как попал сюда в первый раз. Наверное, кто-то заставил его прийти. В первое время его все приходилось заставлять — даже есть и спать. Потому что он поклялся, что не смиритсЯ, не будет делать вид, что все в порядке, все нормаль-

но и так и надо. Потому что ничего не было в порядке. Они не имели никакого права забирать его у мамы. Он им еще покажет, они узнают... Возьмет и умрет им назло!

Его кормили насильно. Впихивали ему ложку в рот. Он все изрыгал из себя — до последней капли, до слез, до желчи, до кровавой пены на губах. Сутками не спал, сидел, завернувшись в одеяло, на кровати, а засыпая, ссался, как маленький. Отказывался ходить на уроки. Отказывался переодеваться и мыться. Отказывался говорить.

Его уже собирались отправлять в спецучреждение. Никому он ничего не доказал, всем на него было пофиг. Одна только Дуся не сдавалась. Просиживала с ним в изоляторе, куда его заперли в конце концов, все свободное время. Гладила по голове, пела ему, что-то нашептывала, приговаривала. Мыла его — такого большого — в ванне, переодевала. Он пытался сопротивляться, но она в ту пору была сильнее. Приносила всякие вкусности, которые неизвестно откуда брала — не то за оградой покупала, не то сама пекла на крохотной плитке в своей гостиной. Тормошила его, все время с ним разговаривала. Хоть он и не отвечал ничего.

Конечно, что ей еще-то делать? Семьи ведь у нее нет.

И вообще, Дуся она такая, у нее принцип. Ей выдали их двадцать пять, и теперь они все ее. До конца, до самого выпуска.

Наверное, Дуся и привела его сюда в первый раз. Затащила в мастерскую технической игрушки. Уса-

дила перед ящиком со всякими детальками. Он стал их перебирать и даже не заметил, как руки сами вытащили оттуда чего-то, стали к чему-то прилаживать, привинчивать, собирать. Сама собой вышла какая-то хренька. Он подтолкнул ее пальцем, и хренька весело покатила вперед по столу.

— Ай молодца! — воскликнул впервые обративший на него внимание руководитель кружка дядя Паша. — Как тебя зовут, мальчик?

— Саша, — ответил он и заметил, что Дуся при звуке его голоса вздрогнула.

Хренька доехала до конца стола, свалилась и распалась на составные части. Он сморщился и заревел.

— Не плачь, — сказал ему дядя Паша. — Станешь ходить к нам и построишь когда-нибудь настоящую машину.

«Ага, — подумал он про себя, — и уеду на ней отсюда к едрене фене».

Кажется, прямо на другой день ему впервые дали письмо от мамы. Наверняка, нарочно, чтоб закрепить успех.

Письмо было месячной давности. Мама писала, что все с ней хорошо и Дом инвалидов оказался не такой страшный. Чтобы Саня вел себя хорошо, не плакал и не очень всех доставал. Что когда-нибудь они все равно будут вместе.

До этого «когда-нибудь» надо было еще дожить! Но ничего. Он выдохнул и начал стараться.

Сергей вышел из мастерской, на ходу вытирая руки замасленной тряпкой, и присел на бревно чуть передохнуть. Рыжие вихры потемнели и слиплись надо лбом от пота, но на затылке коротко стриженные колечки вспыхнули на закатном солнце червонным золотом. Жаль, сам Сергей не мог видеть себя со спины. Любимая шутка в классе: «Серый, стой! — Да какой он Серый, когда он рыжий!» «Не рыжий, а золотой», — обязательно поправляла Лерка, если оказывалась рядом и была в настроении.

Впереди до самого горизонта раскинулось огромное поле. Зрелые колосья гнулись под тяжестью и натужно шелестели на ветру. Ложились волна за волной, а после медленно, с трудом поднимались. Желтое бескрайнее море. «Когда волнуется желтеющая нива...»

Сережка помнил, как перед первой сельскохозяйственной практикой Дуся долго втюхивала наивным мелким десятилеткам, как же им повезло.

— Вы увидите, как растет хлеб, узнаете, откуда на стол попадает молоко! Общество специально расположило школы в сельских районах, подальше от городов. Общество хочет, чтобы все дети, без исключения, росли на свежем воздухе, на парном молоке, чтоб вдоволь набегались босиком по полю.

Про босиком — это она, конечно, приукрасила. Как и про вольный бег. Поди побегай по этому полю,

когда влажные комья вспаханной земли сразу забиваются в сандалии, а колосья впиваются в кожу колючей остью не хуже кактусов. Да и не до бега им было. В первую практику их поставили на прополку, и спины у них к концу рабочего дня едва разгибались. Хотя и трудились они только до обеда, не больше четырех часов в день.

— По-настоящему экологически чистые продукты невозможно вырастить без реального человеческого участия, не вложив в каждый колосок, в каждую капельку молока частичку души, — втолковывала им Дуся.

Дуся честно гнула наравне с ними свою бедную большую спину, без конца снимая и протирая очки, которые нещадно заливал пот.

Когда они стали старше, настолько, что им уже можно было объяснить про пирамиду Маслоу, Дуся с жаром колотила в классе указкой по основанию пирамиды:

— Без удовлетворения базовых потребностей все остальное делается неважным и невозможным! Без еды и воды человек попросту умрет! Вы должны гордиться тем, что, несмотря на юный возраст, вносите вклад!

Им таки было чем гордиться. На закрепленных за школой сельхозугодьях все делалось руками учеников. Каждому находилось дело по силам и возрасту. Не так много, не так часто. Чтобы это, упаси бог, не мешало учебе. Слава богу, учеников в школе много. Один начнет, а другой закончит. Да и школа в государстве не одна.

Однако все строилось на этом. Везде, где надо, вкладывались именно их частички души.

По идее, Сергей должен был все это со временем возненавидеть. Но ему, наоборот, классно было сознавать, что они без дураков делают нужное, стоящее дело. Что без них и хлеб не вырастет, и картошка останется невыкопанной, в земле. Коровы будут сутками мычать недоеные, поросята пищать некормленные, а у людей в городах и весях не будет ни мяса, ни молока.

Когда в конце рабочего дня Сергей, теперь уже квалифицированный механизатор — а чего, если он в двенадцать лет впервые на трактор сел? — вот так сидел и смотрел на поле, он чувствовал себя здесь хозяином. Это было его поле, каждый колосок был ему здесь знаком. И пусть другие, если хотят, думают по-своему. Ему не жалко, пусть они обманывают себя. Как это может быть чье-то еще, если этот кто-то никак здесь ни во что не вложилась?

Может, и правда не уезжать никуда? Поступить на заочку в агрономический, выстроить дом прямо на краю поля и сидеть по вечерам на крылечке, всматриваясь в бескрайнюю даль. Интересно, что скажет на это Лерка? Ей-то ведь явно хочется в город. Где театры, проспекты, косметические салоны и магазины...

Впрочем, до окончательного решения у них еще впереди пять лет! Может, он еще и сам передумает.

Сережка на всю жизнь запомнил, как Дуса вывела их, десятилетних, на поле и он впервые увидел

горизонт. Его будто вытряхнули наружу из тесной коробки! В городе ведь все кругом заставлено домами. А тут вдруг со всех сторон оказалось сплошное небо. Он слово бы парил в воздухе, крохотная точка в бескрайнем мире. Небо кончалось где-то далеко-далеко, за полем.

— А можно туда? — спросил он у Дуси. — Я хочу посмотреть, где оно кончается.

— Конечно! — сказала Дуся. — Потом, со временем. А пока... Мы ведь пришли работать.

— Так что ты выбрала в результате?

— Сама не знаю. Честно! Писала, что в голову взбредет. Литература, философия, два иностранных языка, история мировых религий. Случайный набор какой-то.

— С языками, кстати, совсем не глупо. Языки всегда пригодятся. С языками можно за границу за общественный счет кататься. А историю религий зачем?

— Просто. Хочу понять, как это устроено.

— А в личном что написала?

— Извини, Лерка, но личное — это личное. Как дойдет до дела, узнаешь.

— У ти бозе мой, секреты у нас! Можно подумать, кто-то не в курсах, что ты по Ерофееву который год